

дан, повышения их правовой культуры и ответственности супругов друг перед другом, что и называется основной целью заключения брачного договора в ст.13 КоБС. При этом, нельзя не согласиться с тем, что доведение различными способами до широкого круга граждан правового содержания брачного договора и правовых последствий его заключения, возможно, упразднит устойчивый стереотип о том, что брачный договор ведет к разводу, сформирует понимание того, что брачный договор направлен на уменьшение количества разводов и укрепление брака, т. к. убирает из отношений супругов споры по поводу имущественной составляющей.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. – Минск: Регистр, 1999. – 88 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: с изм. и доп. по состоянию на 2 окт. 2006 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2006. – 144 с.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 123 с.
4. Приложение №14 к Налоговому кодексу Республики Беларусь. [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 25.05.2019.
5. Постановление Совета Министров Республики Беларусь №1145 от 27.12.2013 г. [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 25.05.2019.
6. Сидорок, И. Что белорусы прописывают в брачных договорах / И. Сидорок // Звезда. – 2018. – № 98. – с. 4.
7. Амбражук, Л. Почему договор браку не помеха [Электронный ресурс] / Сетевое издание sb.by. – Минск, 2019. – Режим доступа : <https://www.sb.by/>. - Дата доступа: 25.05.2019.

Автор анализирует динамику заключения брачных договоров за период введения данного института в законодательство Республики Беларусь по настоящее время и на этом основании делает выводы об актуальности и востребованности обществом данного правового инструмента, как способствующего повышению уровня правовой культуры граждан.

УДК 172.3

РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХОЛОКОСТА

Е. С. РОЗЕНБЛАТ

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Еврейско-христианские отношения после Холокоста

Процессы трансформации в постиндустриальном обществе затронули и философию религии и идеологию общества. Вторая мировая война стала переломным пунктом на пути изменения идеологии человечества и его теологических установок. Нацизм и Катастрофа (Холокост) изменили еврейско-христианские отношения. Как пишет израильский раввин П. Полонский, «Катастрофа европейского еврейства стала шоком для еврейских народов и вызвала кризис их сознания не только по причине невероятной масштабности, но из-за садистской систематичности, «немецкой пунктуальности» в ее осуществлении,

и особенно из-за того, что это страшное преступление было осуществлено одним из самых культурных и христианских европейских народов» [3, с. 147]. Осознание Катастрофы как попытки физического уничтожения евреев Европы привело к осознанию «продолжающейся избранности еврейского населения» и вины церкви за антисемитизм [3, с. 147].

Еще одним важнейшим фактором, который повлиял на пересмотр еврейско-христианских отношений, стало создание государства Израиль. Факт воссоздания еврейского государства вступил в противоречие с концепцией Августина, согласно которой евреи потеряли свое государство «за грех непризнания Христа» и не смогут вновь обрести его, пока не исправят этот «грех». Возвращение евреев и воссоздание государства заставило христианских теологов задуматься о том, что Бог хочет этим сказать [3, с. 148].

Теологические изменения в западной христианской культуре получили название «теология после Освенцима». Эта концепция пытается показать, что мировая история – это раскрытие Бога человеку, это «весть», которую Бог самым ходом истории хочет передать христианам [3, с. 148]. Перестройка западного христианства (католицизма) проявилась в решениях Второго Ватиканского собора (1963–1965). Собор провозгласил Соборную декларацию «*Nostra Aetate*» (Декларация об отношении к нехристианским религиям). В ней было признано следующее:

1. «Теология презрения» Августина Блаженного (354–430) заключалась в следующем: евреи были в древности избранным народом, пока не пришел Иисус. Отвергнув Иисуса, евреи потеряли избранность и были изгнаны Богом из страны (духовное изгнание). Собор признал, что «теология презрения» исторически стала фундаментом христианского антисемитизма и прологом Катастрофы, почвой для проявления нацизма, и поэтому она должна быть отменена и осуждена.

2. Отменялись все антисемитские положения Христианства, в том числе вина за распятие Иисуса.

3. Из молитвенной литературы были убраны антиеврейские слова и фразы [3, с. 149]. Однако коренные изменения в «еврейском вопросе» произошли при папе Иоанне Павле II. Иоанн Павел II отказался от прозелитизма в отношении евреев, провозгласив иудаизм «живой религией, Ветхий Завет – действенным Заветом с Богом». По мнению Папы, евреям не надо креститься, чтобы получить спасение, так как они его получают в рамках Ветхого Завета. С 2000 г. католицизм прекратил миссионерскую деятельность по отношению к евреям. Эта политика была продолжена и развита Бенедиктом XVI. Таким образом, католическая церковь перешла от «теологии замещения» к «теологии дополнения». Как отметил бельгийский теолог Дидье Поллефе в статье «Иудейско-Христианские отношения после Освенцима с католической точки зрения», «Освенцим означает крах христологического триумфализма спасения» [3, с. 156].

Отношение еврейской теологии к Холокосту

Основной работой, которая может считаться классической по данной теме, является книга Рубинштейна «После Освенцима: радикальная теология и современный иудаизм». По мнению Р. Рубинштейна, после Освенцима вера в бога-искупителя как субъекта истории была поставлена под сомнение, так как пришлось бы допустить появление Гитлера как часть божественного замысла, а

Холокост – признать как наказание евреев за грехи [1, с. 365]. Книга Р. Рубинштейна (1966) стала первой работой, в которой Холокост и создание государства Израиль стали рассматриваться как глубинные потрясения, которые потребовали полного пересмотра традиционных представлений и переориентации еврейской и христианской религиозной жизни. Работа Р. Рубинштейна важна вопросами, которые он ставит и перед евреями, и перед христианами. Так, он пишет: «Можем ли мы обвинять христиан за то, что они смотрят на нас сквозь призму мифологии истории, коль скоро мы сами так долго за нее держались?»

Храня верность идее избранности Израиля, мы неизбежно будем подставлять себя под огонь идеологии..., поскольку евреи – избранный народ, Богу было угодно, чтобы Гитлер их покарал. Выход есть. Религиозная исключительность необязательно состоит в том, чтобы быть в центре Божественной драмы вечных мук, искупления и спасения человечества. Все, что необходимо нам для здоровой религиозной жизни, – это признать, что оказавшись в нормальных условиях, мы не больше, но и не меньше, чем все человечество несем на себе боль, радость и предназначение, уготованное всем детям Земли ...» [1, с. 381].

Канадский еврейский теолог немецкого происхождения Эмиль Факенхайм попытался примирить еврейскую религию и историю. Он подчеркнул, что Бог присутствует в истории, но был ли Бог в Освенциме или Трешлинке? Если в лагерях Бога не было, значит ли это необходимость пересмотра основных положений иудаизма? [1, с. 383]. Э. Факенхайм делает следующие выводы:

1. Евреям заповедано выжить, чтобы не допустить исчезновения еврейского народа с лица земли.
2. Следует помнить о Холокосте, чтобы не стерлась память о его жертвах.
3. Чтобы сохранить иудаизм и не разочаровываться в нем, как бы не слабела вера, нельзя отходить от Бога.
4. Если Освенцим может заставить нас отказаться от веры, значит Гитлер одержал новую, посмертную победу [С. 388].

Еврейский философ Элиезер Берковиц (США) главным вопросом считает не «где был Бог?» во время Холокоста, «а что есть человек?». Можно ли после Освенцима верить в добродетельность человека? Э. Берковиц делает парадоксальный вывод, что человек, а не Бог, несет ответственность за Катастрофу [1, с. 389–390]. По мнению Берковица, вина за историю лежит на человечестве, но ответственность за сотворение истории несет Бог [1, с. 390].

Американский раввин и историк Ирвинг Гринберг считает, то в годы Холокоста полностью изменились наши представления о Боге и человечестве. Гринберг выдвинул самый сильный критерий религиозной достоверности: «Ни одно богословское или любое другое утверждение не может считаться истинным, если оно не прозвучит достаточно верно в присутствии сжигаемых детей» [1, с. 397]. Гринберг считает, что в годы Холокоста Завет был нарушен, но евреи могут его восстановить, оставаясь евреями, восстанавливая Божий и человеческий образ. Гринберг предлагает теологическую модель «плана», которая пытается оправдать не Бога, но человека. Вызовом современной культуры И. Гринберг считает то, что «человечество вынуждено жить в страхе перед миром, в котором возможно ничем неограниченное зло ...» [1, с. 405].

Еще одним важнейшим фактором веры после Холокоста является массовое разочарование евреев и христиан в вере и Боге [2, с. 282].

Религиозное осмысление Холокоста обычно рассматривается в двух плоскостях: вера в Бога как духовное противостояние, сопротивление евреям нацизму и современно осмысление постхолокостного представления о Боге и вере.

Еще одной важнейшей темой изучения и осмысления еврейско-христианских взаимоотношений является вопрос спасения евреев в годы войны и отношение Русской Православной Церкви к Холокосту.

Русская Православная Церковь и Холокост

Ведущий российский исследователь этой проблематики М. В. Шкаровский выделяет следующие направления в изучении этой темы: 1) определение сходства и различия позиций по отношению к преследованиям евреев у различных течений православной церкви на оккупированной территории СССР;

2) выявление преобладающих тенденций среди духовенства и мирян Русской Православной Церкви;

3) выявление объективных факторов, влиявших на позицию церкви в этом вопросе;

4) сравнение позиции Русской Православной Церкви и других православных церквей по отношению к Холокосту;

5) установление «Праведников народов мира» среди православного духовенства и мирян;

6) определение причин и форм спасения евреев;

7) выявление статистики данного процесса [4, с. 106].

В отличие от большого количества литературы по теме в отношении католиков, протестантов и униатов, эта тема в Русской Православной Церкви остается полузапретной. Среди публикаций по теме преобладают статьи и книги, посвященные отдельным людям – священникам и мирянам, «Праведникам народов мира» (матери Марии, священнику А. Глаголеву). По мнению М. В. Шкаровского, недостаточно изученными или вообще неизученными являются и частные вопросы - такие, как уровень коллаборационизма среди православного духовенства в разных регионах, причины и степень распространения антисемитизма в церковном клире, степень воздействия антисемитской пропаганды на православное население оккупированных территорий СССР, богословские причины участия духовенства в спасении евреев [4, с. 107].

Занимая антифашистскую позицию, Московская патриархия осуждала преследования евреев, но не могла это сделать официально, публично, из-за проявлений государственного антисемитизма. Церковь осуждала террор и насилие, совершаемое нацистами, однако о евреях молчала.

Русская Православная Церковь в 1941–1944 гг. пыталась противостоять уничтожению евреев, хотя практические действия предпринимались лишь отдельными представителями церкви и верующими мирянами. Наиболее явно отношение православной церкви к Холокосту проявилось на Украине, где действовали две церкви – автокефальная и автономная в составе Московского Патриархата. Автономная церковь безусловно осуждала уничтожение евреев, протестуя (скрыто и открыто) против казней евреев, пряча их и выдавая свидетельства о крещении или поддельные документы. Отношение к Холокосту автокефальной церкви было менее однозначным. В оккупированной Беларуси про-

изошла большая часть случаев спасения евреев православными священниками и мирянами (более 500) В целом проблема отношения православных священнослужителей и мирян к Холокосту рассматривается историками как составная часть истории Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны и представляет собой одно из самых перспективных направлений исследования.

Литература

1. За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте / под ред. Джона К. Рота и М. Беренбаума. – Киев : Дух і літера, 2003.

2. Подольский, А. Е. Катастрофа европейского еврейства религиозный аспект // Катастрофа і опір українського єврейства (1941–1944) : нариси з історії Голокосту і опору в Україні. – Київ, 1999.

3. Полонский П. Еврейский взгляд на христианство. Две тысячи лет вместе. – OROT YERUSHALAIM, 2014.

4. Шкаровский, М. В. Отношение Русской Православной Церкви к Холокосту в годы Второй мировой войны // Память о Холокосте: проблемы мемориализации // Уроки Холокоста и современная Россия : материалы 6-й Междунар. конф. / под ред. И. А. Альтмана. – М. : Центр «Холокост», 2012.

УДК 316.7(476)

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: АВТОНОМИЯ И КОНТРОЛЬ

И.П. САЛТАНОВИЧ

*Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь*

Организация креативной экономики заслуживает подробного изучения, поскольку мы можем узнать из творческих индустрий о способах организации и управления творчеством. В силу своей зависимости от творчества, креативные индустрии в целом обеспечивают уроки для управления новым процессом на предприятиях и в администрациях, показывают прямую или опосредованную связь с традиционной экономической моделью.

Какое значение имеет культура для предпринимательства и имеет ли она его вообще? Часть исследователей утверждает, что предпринимательство «изолирует», исключает культуру, то есть она не имеет значения. При этом предпринимательство – это процесс, в котором бизнесмен всегда выстраивает свою деятельность в той или иной социокультурной среде, работает с целым спектром исключений, отклонений, учитывая культурный контекст. Более того, культура, благоприятствующая бизнесу, скорее всего, приведет к росту таких отклонений. С этой точки зрения культура действительно имеет значение. До сих пор понимание роли, которую культура играет в предпринимательстве, остается ограниченным и фрагментарным, хотя исследователи изучают этот вопрос на протяжении десятилетий. Сложно сводить оба понятия, еще сложнее их измерить. Что касается самой культуры, то ее пространственная и временная изменчивость делает объекты культурных исследований спорными. Соответственно, современные исследователи используют разные показатели для измерения эффективности предпринимательской деятельности, самым весомым для многих выступает уровень инноваций.